

СТАНСЫ

Китаец так походит на китайца,
как заяц — на другого зайца.
Они настолько на одно лицо,
что кажется: одно яйцо
снесла для них старушка-китаянка,
а может быть — кукушка-коноплянка.

Цветок походит на другой цветок.
Так ноготок похож на ноготок.
И василек похож на василек.
По Менделю не только стебелек,
но даже и сама пыльца
не исключает одного лица.

И много-много дней уже подряд
мы, не желая напрягать свой взгляд
в эпоху авторучек и ракет,
так получаем нацию, букет.
Нет ценности у глаза пионерской
и пристальности селекционерской.

Когда дракон чешуйчатый с коня
Егория — в том случае, меня
сразит, и, полагаю, навсегда
перевернет икону — и когда
в гробу лежать я буду, одинок,
то не цветы увижу, а венок.

Желая деве сделать впечатленье,
цветочных чашечек дарю скопленье,
предпочитая исключенью — массу.
Вот так мы в разум поселяем расу,
на расстояние — увы — желтка
опасность удаляя от белка.

Весь день брожу я в пожелтевшей роще
и нахожу предел китайской мощи
не в белизне, что поджидает осень,
а в сень ступив вечнозеленых сосен.
И как бы жизни выхожу за грань.
«Поставь в ту вазу с цаплями герань!»

1965